

КАРМИЛЛА

Пролог

В записке, которая была приложена к нижеследующему повествованию, доктор Гесселиус дает подробный комментарий и ссылается на свой трактат, посвященный тому же предмету, что и данный манускрипт.

Трактат, свидетельствующий, как и все прочие труды доктора, о наблюдательности, проницательности и обширных познаниях автора, примечателен еще и тем, что таинственные явления анализируются в нем сжато и с недвусмысленной ясностью. Надобно заметить, что в собрании трудов этого поразительного по своей эрудированности человека данный трактат составит всего лишь один том из многих его научных изысканий.

Публикуя рассказ остроумной леди исключительно ради развлечения публики, я считаю неуместным чем-либо его предварять; таким образом, по зрелом размышлении я решил не помещать здесь ни резюме, ни выдержек из рассуждений многоученого доктора по поводу предмета, который (как он заявляет) «затрагивает, вероятно, сокровеннейшие тайны нашего двойственного существования и его промежуточных форм».

Внимательно и с интересом ознакомившись с манускриптом, я, привлеченный умом и аккуратностью, свойственными, по-видимому, давней корреспондентке доктора Гесселиуса, пожелал и сам вступить с нею в переписку. К своему немалому огорчению, я неожиданно узнал, однако, что ее уже нет в живых.

Впрочем, она едва ли смогла бы многое добавить к своему столь точному и обстоятельному (я полагаю) рассказу, который следует ниже.

ГЛАВА I

Детский испуг

Мы живем в Штирии, в Австрии. Богачами нас не назовешь, но обитаем мы в замке, или *schloss*'е. Скромного дохода в этих краях хватает на все с избытком. Восемь-девять сотен в год делают чудеса. При всей нашей бедности мы слышем здесь состоятельными людьми. Мой отец — англичанин, я ношу английскую фамилию, хотя в Англии никогда не была. Но, живя здесь, в этих уединенных и неприхотливых местах, где все так удивительно дешево, я в самом деле не вижу, каким дополнительным комфортом или даже роскошью мы могли бы обзавестись, будь у нас много больше денег.

Мой отец состоял на австрийской службе. Уйдя в отставку и располагая пенсией и наследством, он купил по дешевке это феодальное владение и немного земли при нем.

Невозможно себе представить окружение более живописное и уединение более полное. Замок стоит на небольшой возвышенности в лесу. Дорога, очень старая и узкая, проходит перед подъемным мостом (он ни разу на моей памяти не поднимался); наполненный водой ров обнесен частоколом и служит пристанищем множеству лебедей и белым флотилиям водяных лилий.

Над всем этим красуется *schloss*: многооконный фасад, башни, готическая капелла.

Перед воротами замка лес отступает, образуя очень живописную, неправильных очертаний поляну, а направо крутой готический мост переносит дорогу через речной поток, петляющий в густой тени леса.

Я уже говорила, что место это очень уединенное. Судите сами: если смотреть от двери холла в сторону дороги, то лес, среди которого стоит наш замок, простирается на пятнадцать миль вправо и на двенадцать влево. Ближайшая обитаемая деревня находится на расстоянии семи ваших английских миль. Ближайшим обитаемым замком издавна был *schloss* старого генерала Шпильсдорфа, почти в двадцати милях вправо.

Я сказала «ближайшая *обитаемая* деревня», потому что всего лишь в трех милях к западу, то есть в направлении замка генерала Шпильсдорфа, есть разрушенная деревня, в ней причудливая маленькая церковь; теперь она стоит без крыши. В боковом приделе — заброшенные могилы гордого рода Карнштайн, ныне угасшего; этот род владел некогда *château*¹, теперь тоже опустевшим, который возвышается в чаще леса над молчаливыми руинами городка.

Почему обезлюдели эти странные и меланхолические места? По сему поводу существует легенда, которую я поведаю вам в другой раз.

Теперь я должна вам рассказать, сколь немногочисленное общество собирается за обеденным столом в нашем замке (я не говорю здесь о слугах и жильцах примыкающих к замку строений). Слушайте и удивляйтесь! Это всего-навсего мой отец, добрейший человек на земле, но уже немолодой, и я сама. В то время, о котором я рассказываю, мне было всего лишь девятнадцать. С тех пор минуло восемь лет. Я и мой отец — вот и вся семья владельцев замка. Моя мать, дворянка из Штирии, умерла, когда я была совсем маленькой, но почти с самого младенчества меня опекала моя добрая гувернантка. Ее полное приветливое лицо было знакомо мне всегда, сколько себя помню. Это мадам Перродон, уроженка Берна. Ее забота и добродушие частично возместили мне потерю матери, о которой у меня даже не осталось воспоминаний, так рано я ее лишилась. Мадам была третьей персоной за нашим обеденным столом. Была и четвертая, мадемуазель де Лафонтен, дама, которую, думаю, можно назвать «воспитательницей манер». Она говорила на французском и немецком, мадам Перродон — на французском и ломаном английском; добавьте сюда наш с отцом английский, на котором мы говорили каждый день, отчасти чтобы не забыть этот язык, отчасти из патриотических побуждений. В результате получался вавилон, вызывавший насмешки посторонних. Не буду пытаться воспроизвести его в этом рассказе. Были еще две-три

---

¹ Замок (фр.). — Здесь и далее по тексту повести примеч. перев.

молодые дамы, примерно моего возраста, мои подруги, которые время от времени гостили у нас; а я иногда, в свою очередь, бывала в гостях у них.

Вот и все общество, которым мы довольствовались; но были еще, конечно, случайные визиты «соседей», которых отделили от нас всего каких-то пять или шесть лиг. Тем не менее могу вас заверить, жизнь моя была довольно уединенной.

Мои благоразумные гувернантки контролировали меня лишь настолько, насколько это было возможно в случае с довольно избалованной девушкой, единственный родитель которой во всем предоставлял ей едва ли не полную свободу.

С детства не могу забыть один эпизод, который произвел на меня ужасное впечатление, не изгладившееся до сих пор. Это одно из моих самых ранних детских воспоминаний. Некоторые сочтут его столь незначительным, что не стоило бы и упоминать его здесь. Но скоро вы поймете, почему я о нем рассказываю. Детская комната, в которой жила я одна, находилась в верхнем этаже замка и представляла собой обширное помещение с высоким дубовым потолком. Мне было тогда шесть лет, не больше. Однажды ночью я проснулась, огляделась, не вставая с кровати, и обнаружила, что горничной в комнате нет. Не было и няни, и я решила, что осталась одна. Я не испугалась, потому что принадлежала к числу тех счастливых детей, которым, стараниями взрослых, никогда не приходилось слышать рассказов о привидениях, волшебных сказок и всего прочего, что заставляет нас прятать голову под одеяло, когда внезапно заскрипит дверь или задрожит пламя погасающей свечи и на стене заплывет тень от столбика кровати, вытягиваясь в сторону твоего лица. Я была лишь обижена и раздосадована, обнаружив, что мной, как я решила, пренебрегли, и начала хныкать, готовясь зареветь во весь голос, но тут, к своему удивлению, увидела у края кровати строгое, но очень красивое лицо, смотревшее на меня. Это была молодая женщина, которая стояла на коленях, положив руки на одеяло. Приятно пораженная, я перестала хныкать. Женщина приласкала меня, легла в мою постель и с улыбкой притянула меня к себе. Сладостное чувство покоя сразу же овла-

дело мной, и я снова заснула. Проснулась я, внезапно ощутив, будто две иглы одновременно очень глубоко вонзились мне в грудь. Я громко закричала. Женщина отпрянула, не спуская с меня глаз, а затем соскользнула на пол и, как мне показалось, спряталась под кроватью.

Тут только я действительно испугалась и завопила во всю мочь. Няня, горничная, экономка вбежали в комнату, выслушали мой рассказ и принялись на все лады истолковывать услышанное, всячески стараясь тем временем меня успокоить. Но я, хотя и была еще ребенком, заметила на их лицах бледность и непривычную тревогу. Они заглядывали под кровать, под столы, осматривали комнату, рывком открывали шкафы, а экономка прошептала няне: «Потрогайте эту вмятину на постели — там кто-то лежал, чем угодно могу поклясться; это место еще теплое».

Помню, как обнимала и целовала меня горничная и как все три женщины осматривали мою грудь — то место, где чувствовалась боль от укола, — и объявили, что никаких следов не обнаружили.

Экономка и две другие служанки остались дежурить на всю ночь, и с тех пор, пока мне не исполнилось четырнадцать лет, в детской всегда находилась кто-нибудь из служанок.

Происшествие это надолго расстроило мои нервы. Послали за доктором; это был бледный пожилой человек. Хорошо помню его длинное мрачное лицо, слегка рябое, и каштановый парик. Долго еще он приходил к нам через день и давал мне лекарство, которое я, разумеется, терпеть не могла.

На следующее утро после этого видения я все еще была напугана до полусмерти и не соглашалась оставаться одна ни на минуту, даже при свете дня.

Помню, как пришел наверх мой отец, как он стоял у кровати, весело что-то говорил, задал много вопросов няне и громко смеялся над одним из ответов; как он похлопал меня по плечу, поцеловал, сказал, чтобы я не боялась, что все это был сон и ничего больше и вреда от него не будет.

Но я не успокоилась, ибо знала, что визит странной женщины был *не* сном, и я *ужасно* боялась.